

СЛАВЯНСКАЯ НОМИНАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПРИ ГЛАГОЛАХ ВОСПРИЯТИЯ, МЫСЛИ И РЕЧИ*

© 2017

Анна Абрамовна Пичхадзе

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, 119019, Российская Федерация; rusyaz@yandex.ru

В славянских средневековых текстах представлена номинативная конструкция при глаголах восприятия, мысли и речи, унаследованная из индоевропейского праязыка. Необходимыми условиями для ее реализации были совпадение субъекта главного предиката с субъектом номинативной конструкции и эллипсис ее субъекта. Если матричный глагол являлся переходным, а его объект не был выражен на поверхностном уровне, валентность матричного глагола могла заполняться исключительно причастной предикацией. Если же матричный глагол имел эксплицитное прямое дополнение или употреблялся в медиальной форме, от матричного глагола могла зависеть как причастная номинативная конструкция, так и конструкция с именным предикативным членом в именительном падеже. Субъект зависимого предиката обычно не был согласован по падежу с кореферентным прямым дополнением главного предиката. Субъект зависимого предиката был согласован по падежу с кореферентным субъектом главного предиката в именных конструкциях, тогда как в причастных предикациях такое согласование могло отсутствовать, что свидетельствует об определенной автономности вложенных предикаций, сближающей их с придаточными предложениями.

Ключевые слова: вложенная предикация, номинативная именная конструкция, номинативная причастная конструкция

SLAVIC NOMINATIVE CONSTRUCTION WITH VERBS OF PERCEPTION, THOUGHT, AND SPEECH

Anna A. Pichkhadze

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119019, Russian Federation; rusyaz@yandex.ru

The nominative construction with verbs of perception, thought, and communication attested in Slavic medieval texts was inherited from the Proto-Indo-European language. The necessary structural conditions of its use were the referential identity of the subject of the matrix predicate and the subject of the nominative construction as well as the ellipsis of the subject of the nominative construction. If the matrix predicate was transitive and its object was implicit, then the matrix predicate could only superordinate a participial construction. If the matrix predicate had an overt direct object or was in the medial voice, then the matrix predicate could superordinate either a participial nominative construction or a construction with a noun (or other substantives) in the nominative case. Usually, the subject of the subordinate predicate did not agree for case with the co-referential direct object of the matrix predicate. The subject of the subordinate predicate agreed for case with the co-referential subject of the matrix predicate in the constructions with nouns and other

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Я чрезвычайно благодарна сотрудникам отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения и балканистики РАН за обсуждение предварительной версии этой статьи и высказанные замечания, а также С. Ч. Офертасу (Институт востоковедения РАН) за консультацию.

substantives, but the agreement could be absent from the participial constructions — this fact may evidence a certain autonomy of embedded clauses and make them similar to subordinate clauses.

Keywords: embedded clause, nominative construction with substantives, nominative participial construction

Введение

Глаголы восприятия — как непосредственного, чувственного, так и ментального — в разных языках мира характеризуются специфическими особенностями в управлении актантами. В частности, в индоевропейских языках они способны присоединять вложенные предикации, т. е. сентенциальные актанты, в которых предикат выражен нефинитивной формой глагола. К числу таких вложенных конструкций относятся *accusativus cum infinitivo* (винительный с инфинитивом) и *accusativus cum participio* (винительный с причастием). Наряду с вложенными предикациями в индоевропейских языках широко использовалась именная конструкция с предикативным падежом — *accusativus duplex* (двойной винительный).

В старославянском и древнерусском при глаголах восприятия, мысли или речи, помимо стандартных придаточных предложений, употреблялись четыре особые конструкции. Из них самыми частотными были конструкции *accusativus duplex* (двойной винительный) [Зализняк 2004: 158] и *accusativus cum participio* (винительный с причастием), в котором второй винительный был выражен причастием, ср. в Суздальской летописи XIII в.: приде Изяславъ слышавъ пришедшаго Юрга 'пришел Изяслав, услышав, что пришел Юрий' ([ПСРЛ I: 321], см. примеры в [Потебня 1958: 308—316]). Оборот «винительный с причастием» употреблялся не только в книжных текстах: недавно он был обнаружен в новгородской берестяной грамоте 2-й пол. XII в. № 1020 — причастие имеет здесь несогласованную форму, которая регулярно использовалась в тех случаях, когда субъект причастия не совпадал с субъектом главного предиката: оу Хотъслава ми было гривн[а] възати: а творати и не[ре]ставивъше 'У Хотослава мне следовало взять гривну; а говорят, что он преставился' [Янин и др. 2015: 117].

Кроме того, в средневековых славянских памятниках встречается специфическая конструкция, в которой глагол восприятия управляет одновременно двумя актантами — прямым дополнением, выраженным именной группой, и придаточным предложением, субъект которого кореферентен прямому дополнению главного предиката и эллиптирован в придаточном предложении [Pichkhadze 2012], ср. в Суздальской летописи: Половцы же оуслышавше Русь вже пришли на ни(х) · ради възша 'Половцы же, услышав, что Русь пришла на них, обрадовались' ([ПСРЛ I: 395]). Такая конструкция известна и другим индоевропейским языкам, ср. лат.: *viden me ut rapior?* 'ты не видишь, что меня хватают?' Plautus, *Rudens*, 869 [Lehmann 1988: 208], где субъект придаточного предложения представлен в виде прямого дополнения *me* 'меня' главного предиката *viden* 'не видишь ли' и располагается перед союзом, вводящим придаточное предложение. Похожие конструкции встречаются и за пределами индоевропейских языков, ср. [Dubinsky, Davies 2006: 136].

1. Номинативная причастная конструкция при имплицитном объекте

Изредка в славянских памятниках при глаголах восприятия, мысли и речи отмечается еще одна конструкция, возможная только при совпадении субъекта главного предиката с субъектом зависимой причастной предикации: если субъект глагола восприятия воспринимает свое собственное действие или состояние или же сообщает что-то о самом себе, причастие в зависимой предикации фигурирует в форме именительного падежа. При этом субъект причастия обязательно эллиптируется. Матричный глагол употребляется в действительном залоге, но прямое дополнение, которым он способен управлять, может не выражаться на поверхностном уровне. Такая вложенная предикация синонимична придаточному изяснительному предложению, ср.: и повѣдааше съ нима видѣвъ георгина 'и сказал, что видел

с ними Георгия' Чудеса Бориса и Глеба по Успенскому сборнику XII—XIII вв.¹, 19г; и мнѣвъ утвердиль его крѣпнѣмъ оуже не первыми оучении оучаше его 'и полагая, что [он сам] утвердил его крещением, уже не учил его прежними поучениями' Пролог Библиотеки Академии наук № 4.9.20, л. 74, XIII в. (цит. по Картотеке [СлРЯ XI—XVII вв.]).

Описанная конструкция имеет существенное отличие от пассивной трансформации accusativus cum participio в nominativus cum participio. При пассивной трансформации матричный глагол перестает быть переходным. Так, глагол видѣтиса в контексте из Стихираря XII в. не может управлять прямым дополнением, а причастие лежащъ, относящееся к его субъекту, ожидаемым образом принимает форму именительного падежа: Въ яслѣхъ худѣхъ сынъ единочадыи лежащъ видѣтиса 'в простых яслях одиночадый сын виден лежащим' [СлРЯ XI—XVII вв., 2: 175]. Представленное здесь синтаксическое построение является пассивным соответствием accusativus cum participio, который выглядел бы как **сына единочадаго лежаща видимъ*.

Во вложенной номинативной конструкции, которая разбирается ниже, глагол восприятия обладает способностью управлять прямым дополнением, тем не менее кореферентное этому дополнению причастие имеет форму именительного падежа, который сигнализирует о тождестве субъекта причастия и субъекта главного предиката. Вот два примера из Повести временных лет:

- (1) Влгъ же и Борисъ. придоша Чернигову: мнѣше оудѣвъше 'Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая [о себе самих], что [они] победили' [ПСРЛ I: 200; II: 191];
- (2) половци же видѣвъше оудѣвъше [в Радзивилловском и Академическом списках оудѣвъше, в Ипатьевском ошибочно сѣдѣвъше] пустиша по земли воююще 'половци же, увидев, что победили, погнали по земле, воюя' [ПСРЛ I: 220; II: 211].

В обоих примерах в роли главного предиката выступает причастие, но он может быть выражен и финитной формой, ср. контекст из древнерусского перевода «Жития Андрея Юродивого»: мнѣше болишии видѣ 'он думал, что видит сумасшедшего' в соответствии с греческим оборотом accusativus cum infinitivo — ἔδοξεν ἔξοχον βλέπειν, т. е. причастие видѣ (Nom. sing. m.) передает инфинитив βλέπειν 'видеть' [Молдован 2000: 398]. Такая же фраза в соответствии с тем же греческим оборотом обнаруживается в кирилло-мефодиевском переводе Евангелия от Луки (24:37): мыѣхъхъ дхъ видѣаште (Part. nom. pl. m.) 'они думали, что видят дух', ἔδοκουν πνεῦμα θεωρεῖν [Růžicka 1963: 193]. Аналогичные примеры при глаголах речи из древнеболгарского перевода «Слов Афанасия Александрийского против ариан» см. в [Vaillant 1977: 214]: аште ли же... исповѣдашѣтъ таковаа слышѣвъше (Part. nom. pl. m.) 'если же они признаются, что слышали такое', εἰ δὲ... ὁμολογοῦσιν ἀκηκοέναι и др.

Причастие в номинативной конструкции часто выполняет функцию связки при существительном или прилагательном, как в контексте из славянского перевода «Повести о Варлааме и Иоасафе»: убо елины, премудрии глаголюще суще, уродеви быша 'ибо эллины, утверждавшие, что они мудры, оказались глупцами', οἱ οὖν Ἕλληνες σοφοὶ λέγοντες εἶναι ἐμωράνθησαν [Лебедева 1985: 219]². Здесь, как и в трех предыдущих примерах, причастие суще передает греческий инфинитив εἶναι.

В древнерусском языке причастная номинативная конструкция конкурировала с изъяснительным придаточным предложением и постепенно вышла из употребления. Однако пример из Галицкой летописи, составленной в 1260-е гг., показывает, что конструкция еще сохраняла актуальность во второй половине XIII в.:

- (3) вставиша же в Берестин. Володимера Пиньского. и Оугровъчанъзи и Берестъанъзи. стеречи землѣ. ѿ Атыгъзъ [так!]. в то же время воеваша Литва Лахъзи мнѣше мирни соущѣ. и придоша ко Берестью.

¹ Успенский сборник XII—XIII вв. здесь и ниже цитируется по изданию [Князевская и др. 1971].

² Этот пример сообщила мне М. С. Мушинская.

Болодѣмъ же р(ѣ)е. ѡже естѣ мирни но мнѣ естѣ не мирни. и изидѣ на нѣ ‘оставили же в Берестии Владимира Пинского и угровчан и берестьян защищать землю от ятвягов. А в это время Литва воевала с ляхами, считая, что сохраняет мир [с Владимиром], и подступила к Берестию. Владимир же сказал: «Если вы и мирные [или: А что вы мирные], но для меня вы не мирные». И пошел на них [войной]» [ПСРЛ II: 754].

Литва, воюя с ляхами, считала, что не нарушает этим мира с Владимиром, но Владимир, видя в ляхах своих союзников, смотрел на дело иначе.

Рассматриваемая конструкция встречается также в церковнославянских памятниках XIV—XVI вв., переписанных с более ранних оригиналов: Мериле Праведном, Измарагде, Великих Четых минеях и др. Она зафиксирована в «Слове о рассуждении любви и правде» Ермолая-Еразма, русского публициста XVI в.: *Сему бо низшему мниши от любви дав милостину, у инаго же убога же во вражду взял еси — несть се исполнение любви, но большеи вражде еже к насилуемым* ‘Ты думаешь, что от любви дал милостину этому низшему, а у другого, тоже бедняка, отнял по вражде — это исполнение не любви, но большей вражды к насилуемым’ [Клибанов 1960: 195]. Из-за недостатка материала трудно сказать, свидетельствует ли этот пример о том, что конструкция еще сохранялась в русском языке XVI в.

Иногда причастная номинативная предикация присоединяется при помощи союза *ѡко* ‘что, будто’. Использование союза характерно для Киевской летописи:

- (4) и *возвратиса ко своимъ. мнѣмъ ѡко оуже побѣдѣмъ* *ѡга* а не *вѣдъз* *свои(хъ)* *побѣженъихъ* ‘и возвратился к своим, думая, что уже победил Олега, не зная, что его [войско] побеждено’ [ПСРЛ II: 692].

При трактовке причастных форм в средневековых славянских текстах приходится принимать во внимание тот факт, что нечленные причастия рано начали утрачивать склонение и исконные формы именительного падежа на *-щѣ/-ци* и *-ше/-ши* (реже на *-ѡ/-ѡ* или *-ѡ*) стали превращаться в универсальные неизменяемые формы, прежде всего как раз в предикативных конструкциях. Однако до XIII в. процесс утраты согласования по падежу³ протекал с заметной регулярностью только при несовпадении субъекта главной и зависимой предикаций [Пичхадзе 2016; Живов 2017: 375—376, 385, 426—430]. Это дает основание видеть в процитированных примерах с идентичным субъектом главного и зависимого предикатов именно формы именительного падежа — тем более что иногда их древность подтверждается текстологическими данными, как в случае с примерами из Повести временных лет, зафиксированными обеими ветвями традиции, т. е. Лаврентьевским и Ипатьевским сводами. Сопоставление с другими индоевропейскими языками подтверждает, что в приведенных примерах причастие выступает в форме именительного падежа.

Конструкция, идентичная славянской, известна балтийским языкам, ср. др.-лит. *szinnok* (Imper. 2 sing.) *essas* (Part. praes. nom. m.) *vszwaidsdas* (Nom.) ‘знай, что ты надзиратель (букв.: знай сущий надзиратель)’; литов. *jis mănė* (Pst. 3 sing.) *daugiau žinąs* (Part. praes. nom. m.) ‘он думал, что больше знает (букв.: думал больше знающий)’; лтш. *zināju* (Pst. 1 sing.) *tēvu klausījusi* (Part. pst. nom. f.) ‘я знала, что слушалась (букв.: знала... слушавшаяся) отца’ [Амбразис 1990: 135, 137]. В балтийских языках эта конструкция получила более широкое распространение, чем в славянских: она употребляется не только при глаголах восприятия и передачи информации, но и при глаголах эмоционального состояния [Там же: 124—125, 134—135].

Точно такая же конструкция функционировала в древнегреческом языке; здесь она тоже была возможна не только при глаголах восприятия, мысли и речи, но и при глаголах, обозначающих эмоции. В традиционных греческих грамматиках именительный падеж причастия при совпадении его субъекта с субъектом матричного глагола трактовался как результат аттракции падежа [Kühner, Gerth 1898: 48, § 481]:

³ Рассогласование по числу довольно часто фиксируется уже с конца XII в., прежде всего в памятниках киевского происхождения [Живов 2017: 431—432; Пичхадзе 2016: 500].

- (5) **οἶδα** θνητὸς ὢν (Part. praes. nom. m.) ‘я знаю, что смертен (букв.: знаю смертный сущий)’ Th. 7.47;
- (6) **έώρων** οὐ **κατορθοῦντες** (Part. praes. nom. m.) καὶ τοὺς στρατιώτας ἀχθομένους ‘они видели, что [они сами] не достигают успеха (букв.: видели не преуспевающие) и что воины недовольны’ Th. 4, 27.

В примере (6) причастие **κατορθοῦντες** ‘преуспевающие’ употреблено в именительном падеже, потому что его субъект идентичен субъекту главного глагола **έώρων** ‘они видели’, а причастие **ἀχθομένους** ‘негодующих’ — в винительном, потому что его субъект **τοὺς στρατιώτας** ‘воинов’ отличен от субъекта главного глагола и стоит в винительном падеже.

- (7) **νόμιζε** δ’, ἐὰν ἐμὲ νῦν ἀποκτείνης, ἄνδρα ἀγαθὸν **ἀποκτεῖνών** (Part. praes. nom. m.) ‘имей в виду, что, если ты меня сейчас убьешь, убьешь порядочного человека’ (букв.: ‘имей в виду... порядочного человека убивающий’) X. A. 6.6.24 [Ibid.: 70, § 484].

Поскольку существует параллелизм между вложенными причастными и инфинитивными предикациями, важно отметить, что в древнегреческом именительный падеж при совпадении субъекта фиксируется не только в причастных, но и в инфинитивных вложенных предикациях при глаголах мысли и речи. Обычно в таких случаях употребляется *accusativus cum infinitivo*, но нередко встречается и именительный с инфинитивом:

- (8) **λέγοντος** ὥς... οὔτε αὐτὸς (Nom.) **οἶός** (Nom.) τε **ἔσθαι** (Inf.) ἄρχειν, οὔτε **ἄλλον οὐδένα** (Acc.) ‘говоря, что ни он сам способен будет властвовать, ни кто-либо другой’ Herod. 4, 137 [Gonda 1955—1956: 293];
- (9) **Κλέων** οὐκ **ἔφη αὐτός** (Nom.), **ἀλλ’ ἐκείνον** (Acc.) **στρατηγεῖν** (Inf.) ‘Клеонт сказал что не он сам, но тот возглавит войско’ Th. 4.28 и т. п. [Kühner, Gerth 1898: 31—32, § 476].

В этих примерах субъект инфинитива, кореферентный говорящему, обозначен формой именительного падежа, а субъект, отличный от него, — формой винительного.

Номинативная причастная конструкция при глаголах восприятия, мысли и речи употреблялась также в санскрите (см. ниже).

2. Номинативная конструкция при выраженном объекте

Как и в упомянутой выше конструкции с придаточным изъяснительным типа *оуслышавше Русь уже пришли на ни(х)*, в причастной номинативной конструкции глагол восприятия может управлять одновременно двумя актантами — прямым дополнением, выраженным именной группой, и сентенциальным актантом — причастной предикацией.

В греческом, если объект главного предиката выражен на поверхностном уровне, он имеет форму винительного падежа, а причастие согласуется с ним в падеже, т. е. возникает конструкция *accusativus cum participio*. Вот контекст, в котором представлены обе конструкции — номинативная с имплицитным объектом и аккузативная с эксплицитным объектом: οὐχ ᾧ **κρείττων ἦδει ὢν** (Part. praes. nom. m.)... ἀλλ’ ἅπερ εὔ **ἦδει ἑαυτὸν** (Pron. acc. m.) **ἦττονα ὄντα** (Part. praes. acc. m.) ‘не потому, что знал, что [он] сильнее (букв.: знал сильнейший сущий), но потому, что хорошо знал, что он слабее (букв.: знал себя слабейшего сущего)’ X. C. 1.4.4 и т. п. [Kühner, Gerth 1898: 49, § 481]. В славянских языках тоже использовалось аккузативное согласование [Havránek 1928: 157, 160; Večerka 1993: 136], ср. в Супрасльской рукописи⁴: **оумом себе** си тамо **сжита тварѣ** ‘в уме себя представляю пребывающим там’ в соответствии с греческим **ἐμαυτὸν εἶναι ἐκεῖ φαντάζομαι** 343.17—18 — в славянском переводе **себе** передает полноударную форму местоимения **ἐμαυτὸν** ‘меня самого’, а причастие **сжита** — инфинитив **εἶναι**. В древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого» оборот

⁴ Здесь и ниже Супрасльская рукопись цитируется по изданию [Заимов, Капалдо 1982—1983].

бѣшену себе мнѣши сущю ‘думая о себе, что она безумна’ соответствует греческой номинативной конструкции с глаголом νομίζω ‘считать’ в медиальном залоге: ὁσπερ τις **πασυχῇ νομιζομένη καὶ πάρετος** ‘считая (себя) больной и бессильной’ (букв.: больная и бессильная) [Молдован 2000: 324]. Аккузативное согласование с полноударной формой местоимения, поддержанное латинскими образцами, отмечается в аналогичных конструкциях в литовской и латышской письменности XVI—XVII вв. [Амбразас 1990: 140]. Лишь в единичных случаях фиксируется в славянских текстах аккузативное согласование при объекте, выраженном энклитической формой сѧ, ср. в «Римском патерике» (древнеболгарском переводном памятнике X в.) в соответствии с греческой конструкцией accusativus cum participio: **каде сѧ (Асс.) видѣ на смрти соуща** (Part. praes. ass. m.) ‘как увидел себя при смерти’, ἦνικα **λοιπὸν ἑαυτὸν** (Асс.) τῷ τέλει **προσεγγίζοντα** (Part. praes. ass. m.) διέγων [Дидди 2001: 483].

Однако, в отличие от греческого, в славянских памятниках регулярно встречаются контексты, в которых прямое дополнение главного предиката выражено на поверхностном уровне, тем не менее причастие в составе вложенной конструкции не согласуется с ним, сохраняя именительный падеж. Такие конструкции возможны, даже если объект выражается полноударной формой себе, ср. в «Римском патерике»: **аще себе како мнить в недѣѣ сѧ** ‘если думает о себе, что он болен’, в греческом иначе — **ἐὰν ἑαυτὸν εἶναι τι νομίζῃ** ‘если себя чем-то [значительным] считает’ [Дидди 2001: 7]. Если же объект выражен энклитической формой возвратного местоимения, номинативная предикация является регулярной:

- (10) **и тако видѣ сѧ** [Святополк] **желание срѣце** (так!) **своего оудолучивъ**. **абие не възпомануо зълааго** **своего оубиства** ‘и поскольку увидел, что получил желание своего сердца, сразу забыл о своем злом убийстве’ Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сборнику XII—XIII вв., 12г.

Можно допустить, что такую ситуацию иллюстрирует следующий пример из Чтения о Борисе и Глебе по Сильвестровскому сборнику XIV—XV вв.⁵, 112г:

- (11) **повѣдаше бо сѧ изъ иного града пришедъши** ‘сказала, что пришла из другого города (букв.: сказала себя... пришедшая)’ — если не считать, что пришедъши представляет собой уже неизменяемую форму причастия, относящуюся к местоимению сѧ, а не склоняемую форму именительного падежа женского рода, согласованную с субъектом главного глагола.

В отличие от контекстов с имплицитным объектом, при выраженном объекте в номинативной конструкции употребляются не только действительные причастия, но и имена (прилагательные и существительные) и местоимения, а также пассивные причастия, в древний период близкие по своей синтаксической функции к прилагательным. В контекстах с существительными, местоимениями и адъективами представлена уже не вложенная предикация, а конструкция с предикативным членом (casus duplex), выраженным именем, местоимением или пассивным причастием. Так, в Ио. 8:53 в большинстве списков славянского Евангелия читается **кого сѧ самъ тѣи твориши** ‘кем ты себя сам считаешь?’, что буквально соответствует греческому двойному винительному τίνα (Асс.) σεαυτὸν (Асс.) ποιεῖς, но в Зографском и более позднем (XIII—XIV вв.) Баницком евангелии на месте винительного падежа вопросительного местоимения представлен именительный: **къто сѧ самъ тѣи твориши** [Алексеев и др. 1998: 42]. В древнечешском переводе «Бесед» папы Григория Двоеслова по русскому списку XIII в. о тех, кто боится креститься, говорится: **егда видѣше сѧ грѣшнии**. **сѣйна поутѣ въззати**. **трепещуть** ‘когда, видя себя грешниками, боясь пойти по пути таинства (т. е. крещения)’; конструкция с именительным грѣшнии передает двойной винительный латинского оригинала *cumque se* (Асс.) *peccatores* (Асс.) *considerant* ‘считают себя грешниками’ [ССЯ, I: 189].

⁵ Рукопись РГАДА, ф. 381.1, № 53 здесь и ниже цитируется по электронной копии, доступной на сайте: http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_53.

Б. Гавранек отмечал, что в средневековых славянских памятниках номинативное согласование при выраженном объекте встречается чаще, чем аккузативное, — последнее характерно для переводных текстов, испытывающих влияние латинских оригиналов, т. е. ситуация напоминает ту, что наблюдается в литовских и латышских переводах XVI—XVII вв. Он приводит целый ряд примеров из разных славянских языков, в которых выраженный винительным падежом объект *са* кореферентен номинативному предикативному члену [Havránek 1928: 158—160]:

- (12) *стыдася не тѣчыѣ отъ иного видѣтиса. нѣ и самъ нагъ видѣти са* ‘стыдся не только того, что его увидит кто-то другой, но и сам себя увидеть нагим (букв.: нагой)’, *ἐαυτὸν γυμνὸν θεωρεῖν* Супрасльская рукопись 280.21;
- (13) *оубоужь же са видѣ са протѣ отъ оковъ* ‘пробудившись же, увидел себя свободным (букв.: свободен) от оков’ Сказание о Борисе и Глебе с Чудесами по Успенскому сборнику XII—XIII вв., 23б; и *оубоужь са отъ сна видѣ са съдравъ* ‘и пробудившись ото сна, увидел себя здоровым (букв.: здоров)’ там же, 19г;
- (14) др.-чеш. *když se v tom neduostojen činí* ‘если сочтет себя в этом недостойным (букв.: недостойн)’, *indignum se iudicaverit*;
- (15) ст.-сербск. не *чѣємо мѣ се Ѹ ничемъ дльжни* ‘мы не чувствуем себя чем-то ему обязанными (букв.: обязаны)’ и др.

Хотя *нагъ*, *протѣ*, *съдравъ* и т. п. формально можно трактовать как винительный падеж, такая трактовка, с учетом многочисленности подобных примеров, едва ли приемлема, поскольку прилагательные, особенно постпозитивные, уже в древнейших восточнославянских памятниках обычно употреблялись в форме винительного падежа, омонимичного родительному, даже если определяемое ими существительное или местоимение сохраняло старую форму винительного, омонимичного именительному [Крысько 1994: 134—136]. Такая ситуация характерна уже для старославянского [Вайан 1952: 207—208].

Таким образом, в славянских языках при выраженном объекте было возможно альтернативное согласование — аккузативное и номинативное. В средневековых памятниках наблюдаются колебания в выборе согласования. Б. Гавранек приводит древнечешский пример: *se ve všem věren* (Nom. m.) *čině* ‘притворясь верным (букв.: верен) во всем’ в более поздних рукописях (XV в.) заменяется на *věrna* (Acc. m.) *se čině* [Havránek 1928: 157].

Номинативные конструкции с выраженным объектом в винительном падеже отмечены и в прусских текстах, но только в качестве калек с иноязычных оригиналов, ср. прусск. *posinna mien* (Pron. 1 acc.) *pirsdau Deiwan wissans grikans skellants* (Part. praes. nom.) ‘признаю себя (букв.: меня) перед Богом во всех грехах виновным’ (*bekenne mich für Gott aller sünden schuldig*) Энхиридион 1561 г. [Амбразас 1990: 128]. Таким образом, отсутствие согласования в падеже причастного предиката или именного предикативного члена с прямым объектом представляет собой славянскую инновацию. Возможность такого рассогласования реализовалась в славянских языках не только в номинативной конструкции — она явилась необходимым условием для развития творительного предикативного.

3. Номинативная конструкция при непереходных глаголах

Видимо, несогласованность в падеже субъекта номинативной конструкции с кореферентным дополнением послужила стимулом к переосмыслению в славянских языках энклитической формы винительного падежа возвратного местоимения *са* как глагольной частицы. В результате присоединения *са* глагол становился возвратным и терял валентность на прямое дополнение, выраженное именной группой. Так от глагола *творити* ‘производить впечатление, создавать видимость; утверждать’ в результате присоединения *са* образовался глагол *творитиса* ‘делать вид, притворяться; утверждать о себе’, широко

распространенный с древнейших времен в церковнославянской и древнерусской письменности, ср. в новгородской берестяной грамоте № 550 посл. трети XII в.: а вежники творатеса въдавоше собыславоу цетыри гривне ‘а вежники утверждают, что они отдали Сбыславу четыре гривны’ [Зализняк 2004: 401]. Сходным образом развивались глаголы мысли и знания: познати са → познатиса ‘почувствовать себя’, мынѣти са → мынѣтиса ‘думать о самом себе’, (сѣ)вѣдѣти са → (сѣ)вѣдѣтиса ‘знать о самом себе’; эти возвратные формы иллюстрируются в исторических словарях многочисленными примерами. Из глаголов речи в древности отмечены повѣдѣтиса / повѣдатиса, исповѣдѣтиса / исповѣдатиса. По-видимому, лишь в старорусский период возник глагол *сказатися* ‘сказать о себе самом’, зафиксированный с XVI в. и употреблявшийся с предикативным членом в именительном падеже: *сказалися болны* и т. п. [СлРЯ XI—XVII вв., 24: 168], — можно предположить, что причастная номинативная конструкция в это время уже перестала быть употребительной. Однако глаголы непосредственного чувственного восприятия редко сочетаются с са: к приведенным в предыдущем разделе примерам (*стѣдаса... самъ нагъ видѣти са*, *видѣ са простъ отъ оковъ*, *видѣ са съдравъ*) словари ничего не добавляют, и существование возвратного глагола *видѣтиса* ‘видеть самого себя’, постулируемое в [СлРЯ XI—XVII вв., 2: 175], представляется проблематичным. Показателен контекст из «Римского патерика»: *кдѣ са (Асс.) видѣ на смрти соуца* (Part. praes. acc. m.), *братъ са повѣдѣ имѣа* (Part. praes. nom. m.) *сѣкровены ѿ златники* ‘когда увидел себя при смерти, рассказал брату, что у него [т. е. у говорящего] спрятаны три золотые монеты’, *ἡνίκα λοιπὸν ἑαυτὸν (Асс.) τῷ τέλει προσεγγίζοντα* (Part. praes. acc. m.) *διέγνω... ἐδηλοποίησεν, ὅτι κεκρυμμένα τρία τοῦ χρυσοῦ νομίσματα εἶχε* (Imperf. 3 sing.) [Дидди 2001: 483] — здесь при возвратном глаголе речи *повѣдѣтиса* предложено номинативное предложение (хотя в греческом оригинале ей соответствует придаточное предложение), а при глаголе восприятия *видѣти* — оборот «винительный с причастием» (в полном соответствии с оригиналом), включающий местоимение *са*, которое не может быть глагольной частицей ввиду наличия согласованного с ним в винительном падеже причастия.

Конструкции с возвратными глаголами полностью синонимичны исходным конструкциям с переходными глаголами. В памятниках переходные и возвратные глаголы встречаются в идентичных контекстах. Например, в описании одного из чудес Бориса и Глеба по версии Сильвестровского сборника XIV—XV вв. употреблена конструкция с переходным глаголом: *и възатса оумъ ѿ него. и се мнѣше въ цѣкви* (так в рукописи) *сѣдаа стѣю. и въздрѣвъ видѣ стѣю бориса и глѣба. исходаща ѿ олтарѣ идуща к нему* ‘и отнялся ум от него, и вот он представил [себя] сидящим (букв.: сидящий) в церкви двух святых и, подняв взор, увидел святых Бориса и Глеба, выходящих из алтаря и идущих к нему’ 112а; в версии Успенского сборника XII—XIII вв. глагол имеет возвратную форму: *бысть въ истоуплении. и видѣ видѣние. и мнѣшесѣа оумъмъ сѣдаа оу цѣкве стѣю. и оудрѣ стѣаа мѣнка бориса и глѣба. исходаща акы изо олтарѣ. и идуща къ нему*. В «Римском патерике» конструкции с переходным и возвратным глаголом употреблены в одной фразе: *и пакы възвративса скоро въ тѣло. адова мѣченѣа видѣвъ глѣаше. и неищѣтомаа мѣста огньнаа видѣвъ са повѣдааше* ‘и снова возвратившись вскоре в [свое] тело, говорил, что видел адовы мучения и рассказывал, что видел бесчисленные огненные места’, в греч. только *ἐφωράκεναι ἑλεγε* [Дидди 2001: 441].

Применительно к древнерусскому материалу часто бывает невозможно определить, имеем ли мы дело с местоимением в винительном падеже или с частицей возвратного глагола, как, например, в описании покушения Владимира на Рогнеду из Суздальской летописи:

- (16) *и давши же мечъ сынови своему Изяславу в руку нагъ · и р(ч)е ꙗко внидетъ ти въцѣ рци възстѣпа · въче ꙗеда ѣдинъ мнишиша хода · Володимеръ же р(ч)е · а хто та мнѣа сдѣ · и повергъ мечъ свон · и созва боларъ · и повѣда и(м) · они же рекоша оуже не оуби еѣ дѣтати дѣла сего ‘и дав обнаженный меч в руки сыну своему Изяславу, сказала: «Как войдет твой отец, скажи, выйдя: «Отец, неужели ты думаешь (о себе), что ты один ходишь?»» Владимир же сказал: «А кто думал, что ты здесь?» И, бросив меч, созвал бояр и рассказал им. Они же сказали: «Уж не убивай ее ради этого ребенка»* [ПСРЛ I: 300].

В роли предикативного члена при таких возвратных глаголах, как и при выраженном объекте, могут выступать и имена, например прилагательные, как в контексте из Киевской летописи:

- (17) ко преставленію своему в болѣзни тѣжцыѣ. познаса хоудѣ. и созва моужа своѣа. и всю Галичскую зѣмлю 'при смерти, в тяжелой болезни он почувствовал себя слабым (букв.: слаб) и созвал своих людей и всю Галицкую землю' [ПСРЛ II: 656].

В Киевской летописи, как и в конструкции с имплицитным объектом, причастие может присоединяться союзом *ѣако*: мнѣтьсѣ *ѣако* дѣра достигше 244в33 'думают о себе, будто небес достигли' [Там же: 714], ср. в «Слове Денисья» из «Златой цепи»: мнѣхутьсѣ *оумомъ* *ѣако* на нб(ѣ)и сѣдѣше 'думали о себе, будто на небесах сидят' РГБ, ф. 304.1 (Тр.-Серг.), № 11, XIV в.

Такие же неоднозначные случаи встречаются и в других славянских языках. Например, в древнечешском переводе «Бесед» папы Григория Двоеслова по русскому списку XIII в. читается: *стражи же непыцѣваху са самъсонъ крѣпкъзи оуже ѣмше* 'стражи же думали, что уже взяли силача Самсона' *deputaverunt et Samson fortissimum se* (Acc.) *iam comprehendisse* (Inf.) *gavisi sunt* (в латинском оригинале accusativus cum infinitivo) [ССЯ, II: 397]. Сомнительно, что на основании этого контекста следовало бы постулировать существование глагола *непыцѣватисѣ* 'думать о самом себе', который нигде больше не засвидетельствован; видимо, корректнее рассматривать *са* как прямое дополнение, тем более что оно соответствует местоимению *se* в оригинале.

Превращение переходных глаголов мысли и речи в возвратные характерно и для балтийских языков. Здесь к глаголу присоединялась частица *si*, происходящая из энклитической формы местоимения *si*, обладавшей как дативным, так и аккузативным значением [Амбразас 1990: 138—140]. В. Амбразас подчеркивает, что имена выступают в номинативной конструкции именно при возвратных формах глагола: в др.-литов. *ne wertá sakos* 'считает себя недостойной' (в соответствии с польским *się niegodną poczyta*) именительный прилагательного *wertá* 'достойна' возможен при возвратной форме *sakos*, но невозможен при активной форме **ne wertá sako* [Там же: 140]. Точно так же в славянском возможно *мынаше сѣдравъ* 'считал себя здоровым', но весьма сомнительно **мынаше сѣдравъ* с тем же значением.

Развитие возвратных глаголов в номинативной конструкции в балтийском и славянском напоминает ситуацию в ведическом санскрите, где предикативный именительный как от причастий, так и от имен употреблялся при медиальных глаголах, обозначающих восприятие или именованье субъектом самого себя, заявление чего-либо о себе самом:

- (18) *sómaṃ manyate* (Praes. 3 sg.) *papivān* (Part. perf. nom. m.) 'он думает, что выпил сому' [Delbrück 1888: 104];
- (19) *tvam katthase* (Praes. 2 sg.), *mahārāja satyavādī* (Subst. nom. m.) *dr̥ghavrataḥ* (Subst. nom. m.) 'ты хвалишься, махараджа, что правдив, тверд в клятвах' (R.) [Oberlies 2003: 308—309].

По-видимому, наиболее архаичная стадия развития номинативной предикативной конструкции отражена в приведенных выше древнегреческих, балтийских и славянских примерах, где матричный глагол имеет переходную диатезу и обладает валентностью как на прямое дополнение, выраженное именной группой, так и на сентенциальное дополнение. При имплицитном объекте валентность матричного переходного глагола может заполняться исключительно причастной предикацией. Если же глагол управляет винительным падежом возвратного местоимения или имеет медиальную форму, от матричного глагола зависит либо причастная конструкция, либо конструкция с предикативным членом, который может быть выражен именем, местоимением или адъективом. При изначально непереходных глаголах, по-видимому, употреблялась только именная конструкция. К числу глаголов восприятия, имеющих только интранзитивную диатезу, относится глагол *слюти* 'слыть', который

в средневековых славянских текстах отмечен только с именной номинативной конструкцией: иже *зълъ* словеть ‘кто злым слывет’, *злн словесуци и превид(и)ми ѿ всѣхъ* ‘дурными слывающие и всеми обижаемыми’, *словеть бѣ* мстыи *гѣ* ‘слывет Богом мщения Господь’, а *чей словеть, того не упомнить* ‘а чьим его зовут, того он не помнит’ и т. п. [СДРЯ XI—XIV вв., 11: 370; СлРЯ XI—XVII вв., 25: 137—138]. Показательно, что и греческий глагол ἀκούω ‘слышать; слыть’ в последнем значении употреблялся обычно с именной номинативной конструкцией: ἀκούειν κακός (καλός) ‘слыть дурным (хорошим)’, κόλακες καὶ θεοῖς ἐχθροὶ ... ἀκούουσι D. 18.46 ‘слыгут льстецами и врагами богов’; однако изредка он мог присоединять инфинитивную конструкцию: ἦκουον εἶναι πρῶτοι Hdt. 3.131 ‘они слыли первыми’ [Liddel, Scott 1996: 54] — вероятно, по аналогии с переходным ἀκούω ‘слышать’, присоединявшим accusativus cum infinitivo. Латинский глагол *audio* ‘слышать; слыть’ в значении ‘слыть’ также управлял именной номинативной конструкцией [Lewis, Short 1958: 202].

Таким образом, выбор между вложенной причастной предикацией и конструкцией со вторым предикативным падежом в славянских языках был обусловлен диатезой главного предиката:

Таблица

Диатеза глагола	Действительные причастия в номинативной конструкции	Имена и пассивные причастия в номинативной конструкции
транзитивная	+	—
медialная	+	+
интранзитивная	—	+

Можно предположить, что так же обстояло дело и в других индоевропейских языках. Процитированный выше пример из «Жития Андрея Юродивого» *τις πασχική νομίζομένη καὶ πάρετος* ‘считая себя больной и бессильной’ содержит причастие в медialной форме νομίζομένη, от которого зависят два прилагательных в именительном падеже, что было бы недопустимо при активной форме причастия (**πασχική νομίζουσα καὶ πάρετος*).

4. Приписывание падежа в предикативной причастной и именной конструкции

Отсутствие согласования по падежу между субъектом зависимого предиката в номинативной конструкции и кореферентным дополнением свидетельствует о том, что падеж субъекта зависимого предиката не определялся согласованием с кореферентным объектом. Соотносился ли падеж субъекта зависимого предиката с падежом кореферентного субъекта главного предиката? Чтобы установить, существовало ли падежное согласование между субъектом номинативной конструкции и субъектом главного предиката, нужно рассмотреть контексты, в которых субъект главного предиката стоял бы в косвенном падеже — т. е. главный предикат был бы выражен причастием в косвенном падеже или инфинитивом, субъект которого выражается формой дательного падежа.

Если предикативная конструкция является именной, имя в ее составе согласуется в падеже с субъектом главного предиката:

- (20) *г҃лавзиі слова сѣ зтворивѣшому сѣ мръзѣшу*. възстани рече брате ‘говоривший слова при творившемся мертвым: «Встань, — сказал он, — брат!»» (в греч. πρὸς τὸν πλασθέντα τὸν θάνατον ‘к изображавшему смерть’) «Житие Епифания Кипрского» по Успенскому сборнику XII—XIII вв., 160в32;
- (21) *оуча братию не възноситисѣ ни о чемъже. нъ сѣмереноу быти мнихоу. а самомоу мьнышоу всѣхъ зтворитисѣ* ‘уча братию не гордиться ничем, но быть смиренным монахом, а самому считать себя меньше всех’ «Житие Феодосия Печерского» по Успенскому сборнику XII—XIII вв., 43г7.

Однако в случае причастной предикации номинативная конструкция может сохраняться, даже если субъект главного предиката выражен формой косвенного падежа, ср. в Мариинском евангелии (Лк. 20:20): *посълаша застъдникъ. творащася* (Part. praes. acc. m.) *праведьници* (Nom.) *сжште* (Part. praes. nom. m.) ‘послали соглядатаев, притворяющихся праведниками’, *ἐγκαθέτους ὑποκρινομένους ἑαυτοὺς δικαίους εἶναι*. Писец Зографского евангелия даже перенес именительный падеж вложенной предикации на матричное причастие, что привело к рассогласованию матричного причастия с существительным, атрибутом которого оно является, т. е. причастие, по-видимому, было переосмыслено как атрибут субъекта глагола *посълати*: *посълаша дѣлателя* (Acc.) *творащтеса* (Nom.) *праведьници сжште* [ССЯ, IV: 440].

К сожалению, отсутствие материала не позволяет определить, насколько регулярно в номинативной конструкции сохранялся именительный падеж, не согласующийся с падежом главного предиката. Тем не менее приведенный пример указывает на то, что сохранение именительного падежа зависимого причастия при косвенном падеже главного предиката было возможно.

Отсутствие согласования в падеже между субъектом предикативной конструкции и кореферентным субъектом главного предиката встречается не только в причастных, но и в инфинитивных конструкциях, которые калькируют в славянских переводных памятниках греческие обороты *accusativus cum infinitivo* и *nominativus cum infinitivo*, ср. сохранение дательного падежа субъекта в инфинитивной конструкции в Изборнике 1076 г., 223—223об.: *въжидюшѣ на блудъ. не тѣкъмо немощныѣ. нъ и тѣхъ мынаштинхъса* (Part. praes. acc. m.) *правдѣномъ* (Dat.) *быти. и въздържникомъ* (Dat.) *и цѣлоуумышнымъ* (Dat.) ‘разжигают на блуд не только слабых, но и думающих о себе, что они праведны и воздержанны и целомудренны’, *καὶ αὐτοὺς τοὺς δοκοῦντας* (Acc.) *εἶναι* (Inf.) *δικαίους* (Acc.) *καὶ ἐγκρατεῖς* (Acc.) *καὶ σόφρονας* (Acc.) [И76, I: 601—602; II: 71].

Подобные факты свидетельствуют об определенной автономности вложенных предикаций, сближающей их с придаточными предложениями: их субъект может стоять в падеже, независимом от главного предиката и присущем самой предикативной конструкции в соответствии с ее синтаксической ролью. Номинативная причастная предикация в этом отношении схожа с другими сентенциальными причастными предикациями, ср. гипотезу о приписывании падежа субъекта внутри вложенной предикации, высказанную по поводу аналогичных славянским литовских конструкций «винительный с причастием» и «дательный самостоятельный» в [Аркадьев 2011: 66—73; Arkadiev 2013: 401, 433].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алексеев и др. 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подг. Алексеев А. А., Пичхадзе А. А., Бабицкая М. Б., Азарова И. В., Алексеева Е. Л., Ванеева Е. И., Пентковский А. М., Ромодановская В. А., Ткачева Т. В. СПб.: Российское Библейское Общество, 1998.
- Дидди 2001 — Дидди К. Патерик Римский: Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе. М.: Индрик, 2001.
- Займов, Капалдо 1982—1983 — Супрасълски или Ретков сборник = Супрасльская рукопись: В 2 т. / Увод и комент. на старобълг. текст Йордан Займов; Подбор и комент. на гр. текст Марио Капалдо. София: Изд-во на Бълг. акад. на науките, 1982—1983.
- И76 I-II — Изборник 1076 г. 2-е изд. / Подгот. Мушинская М. С., Мишина Е. А., Голышенко В. С. Под ред. Молдована А. М. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Клибанов 1960 — Клибанов А. И. Сборник сочинений Ермолая-Еразма // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР / Лихачев Д. С. (отв. ред.). Т. XVI. М.; Л.: Наука, 1960. С. 178—207.
- Князевская и др. 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. Князевская О. А., Демянов В. Г., Ляпон М. В. Под ред. Коткова С. И. М.: Наука, 1971.
- Лебедева 1985 — Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подгот. текста, исслед. и комент. Лебедевой И. Н. Л.: Наука, 1985.

- Молдован 2000 — Молдован А. М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000.
- ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997.
- ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998.
- СДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Вып. 1—. М.: Русский язык, 1988—.
- СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII в. Вып. I—XXIX—. М.: Наука, 1975—2011—.
- ССЯ — Словарь старославянского языка. Репринтное издание. Т. I—IV. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. (= *Slovník jazyka staroslověnského / Lexicon linguae paleoslovenicae*. Т. I—IV. Praha: Československá Akademie Věd, 1958—1997).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Амбразас 1990 — Амбразас В. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс: Мокслас, 1990. [Ambrasas V. *Sravnitel'nyi sintaksis prichastii baltiskikh yazykov* [Comparative syntax of participles in the Baltic languages]. Vilnius: Moksas, 1990.]
- Аркадьев 2011 — Аркадьев П. М. Проблемы синтаксиса конструкций «accusativus cum participio» в литовском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 44—75. [Arkad'ev P. M. On the syntax of «accusativus cum participio» constructions in Lithuanian. *Voprosy jazykoznanija*. 2011. No. 5. Pp. 44—75.]
- Вайан 1952 — Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. [Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [A manual on Old Slavonic]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1952.]
- Живов 2017 — Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 т. Т. I. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. [Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti: V 2 t. T. I*. [History of the language of Russian literary texts: In 2 vol. Vol. I. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2017.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [The Old Novgorod dialect]. 2nd ed., revised. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Крысько 1994 — Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М.: Lyceum, 1994. [Krys'ko V. B. *Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo yazyka* [Evolution of the category of animacy in the history of the Russian language]. Moscow: Lyceum, 1994.]
- Пичхадзе 2016 — Пичхадзе А. А. О предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. М.: ИРЯ РАН, 2016. С. 499—515. [Pichkhadze A. A. On predicative vs. attributive participles in Old Russian: Indeclinable participles. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. No. 10. [Proceedings of Vinogradov Russian Language Institute. Vol. 10] Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 2016. Pp. 499—515.]
- Потебня 1958 — Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М.: Учпедгиз, 1958. [Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike. T. I—II*. [From the notes on the Russian grammar]. Vol. I—II. Moscow: Uchpedgiz, 1958.]
- Янин и др. 2015 — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001—2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001—2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001—2014)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Arkadiev 2013 — Arkadiev P. M. Marking of subjects and objects in Lithuanian non-finite clauses: A typological and diachronic perspective. *Linguistic Typology*. 2013. Vol. 17. P. 397—437.
- Delbrück 1888 — Delbrück B. *Altindische Syntax*. Halle: Verl. der Buchhandlung des Waisenhauses, 1888.
- Dubinsky, Davies 2006 — Dubinsky S. W., Davies W. D. Control and raising. *Encyclopedia of language & linguistics*. Brown K. (ed.). 2nd ed. Vol. 3. Oxford: Elsevier, 2006. Pp. 131—139.
- Gonda 1955—1956 — Gonda J. Defining the nominative. *Lingua*. 1955—1956. Vol. V. Pp. 288—297.
- Havránek 1928 — Havránek B. *Genera verbi v slovanských jazycích*. Vol. I. (1. část). Praha: Královská česká společnost nauk, 1928.
- Kühner, Gerth 1898 — Kühner R., Gerth B. *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Teil II: Satzlehre*. Hanover; Leipzig, 1898. Available at: <http://www.perseus.uchicago.edu/cgi-bin/philologic/getobject.pl?c.20:6:2:1.NewPerseusMonographs>.

- Lehmann 1988 — Lehmann Ch. Towards a typology of clause linkage. Haiman J., Thompson S. A. (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 1988. Pp. 181—225. (= Typological Studies in Language, 18.)
- Lewis, Short 1958 — Lewis Ch. T., Short Ch. *A new Latin dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1958.
- Liddel, Scott 1996 — Liddell H. G., Scott R. (eds.). *A Greek-English lexicon*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
- Oberlies 2003 — Oberlies Th. *A grammar of Epic Sanskrit*. Berlin: de Gruyter, 2003.
- Pichkhadze 2012 — Pichkhadze A. Subject of subordinate clause as object with verbs of perception, thought, and communication in Old Russian. *Slověne*. 2012. Vol. 1. No. 1. Pp. 52—60.
- Růžička 1963 — Růžička R. *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen*. Berlin: Akademie Verlag, 1963.
- Vaillant 1977 — Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves. T. 5: La syntaxe*. Paris: Éditions Klincksieck, 1977.
- Večerka 1993 — Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II: Die innere Satzstruktur* (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris, XXXIV (XXVII, 2)). Freiburg: U. W. Weiher Verlag, 1993.

Получено / received 31.05.2017

Принято / accepted 27.06.2017